

YARMOLICH F.K.

ARCHIVES FUNDS ON HISTORY OF SOVIET CENSORSHIP (1920TH – 1930TH) IN
CENTRAL STATE SAINT-PETERSBURG'S ARCHIVE OF LITERATURE AND ART

Ф.К. ЯРМОЛИЧ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.
1920-е – 1930-е гг.

Annotation / Аннотация

In the article consider the basic documents on history censorship which available in Central State Saint-Petersburg's Archive of Literature and Art. For example, analyzed separate type documents: correspondences and reports. Special feature and bulletin of every type document reveal.

В статье рассматриваются основные документы по истории цензуры, сохранившиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Анализируются отдельные виды документов, в частности, переписка и отчеты. Выявляются особенности каждого вида документов и их информативность.

Keywords / Ключевые слова

Archive, source, censorship, correspondence, report, bulletin. Архив, источник, цензура, переписка, докладная записка, бюллетень.

ЯРМОЛИЧ Федор Кузьмич – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, заведующий учебно-методическим кабинетом Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург; 8-911-017-01-62; f.k.1985@mail.ru

В современной историографии не раз подчеркивалось, что большинство документов Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) за 1920–1930 гг. не сохранились в архивах. Это, действительно, так. Однако эта проблема может быть отчасти решена привлечением документальных материалов региональных архивов, в частности, из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб).

В ЦГАЛИ СПб документы по истории цензуры отложились в нескольких фондах: фонде Ленинградского губернского отдела по делам литературы и издательств (Ф. 31) (документация 1921–1927 гг.); фонде Ленинградского областного и городского отделения по делам литературы и издательств (Ф. 281) (документы 1927–1935 гг.); фонде Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Ленинградском городском и областном советах депутатов трудящихся (Ф. 359) (документы 1939 – 1963 гг.). Следует, однако, отметить, что в ЦГАЛИ СПб отсутствуют документы за 1936-1941 гг.

В отличие от Национального архива Республики Карелия и Государственного архива Мурманской области в ЦГАЛИ СПб документы за 1920-е гг. представлены значительно полнее. Так, сохранились приказы, циркуляры, отчеты, доклады, переписка, как с центральными органами, так и с районными представителями ленинградского отделения Главлита и издательствами, сводки нарушений и т.д.

Значительно меньшим объемом в ЦГАЛИ СПб представлены документы за 1930-е гг. (только частично – переписка Леноблгорлита с различными организациями и учреждениями, например, с Главлитом, различными партийными структурами, типографиями, штабом ЛВО, милицией и т.д., а также анкетные листы работников ленинградской цензуры, бюллетени Главлита РСФСР, доклады, протоколы, отчеты, приказы и циркуляры).

Как правило, документы датированы, заверены подписями, отмечена степень секретности документа (секретно, совершенно секретно). Но вместе с тем немало недатированных документов, а также документов, на которых отсутствуют подписи.

В отчетах, докладах и других архивных материалах имеются пометки (например, знаки вопроса) и записи на полях, сделанные сотрудниками цензурных органов, что в ряде случаев позволяет выяснить отношение цензора к просматриваемому им материалу. Самыми многочисленными видами документов являются переписка и протоколы заседаний ленинградского отделения Главлита.

Значительный объем писем, как между аппаратом ленинградского отделения цензуры с Главлитом в Москве, так и между Леноблгорлитом и его региональными отделениями, является особенностью именно 1920–1930-х гг., поскольку в послевоенный период этот вид источника встречается в фондах архива значительно реже. Такое обилие писем может свидетельствовать о том, что окончательно не сложилась система отчетности нижестоящих организаций перед вышестоящими, а механизм инструктирования Главлитом региональных отделений еще не был отлажен.

Большая часть сохранившихся писем датирована, на них имеются входящие и исходящие номера, указаны учреждения и должности отправителя и учреждения и должности получателя. Большая часть письма написана в предельно формализованном стиле: указывается проблема или вопрос, стоящий перед работниками цензуры. Однако встречается переписка, носящая неформальный характер, иногда выдержанная в подчеркнута дружественном тоне.

Примером последнего случая может послужить ответ, направленный районному цензору

Балдычеву от 18 октября 1930 г. К сожалению, в письме не указаны должность и фамилия отправителя. Несоблюдение формальностей в оформлении этого документа сразу бросается в глаза, поскольку в самом начале письма не просто указывается причина задержания ответа на запрос районного цензора, а детально расписывается, как долго болел ответчик.

В основном, информация, содержащаяся в письмах, затрагивает вопросы, связанные с функционированием петроградского/ленинградского отделения Главлита. Конечно, работа органов цензуры нашла свое отражение и в других документах, но именно переписка содержит более детальную информацию. Кроме того, данный вид источника в большей степени объективно отражает действительность, чем другие виды документов, поскольку ориентирован на принятие конкретных решений.

В данном виде источника нашли отражения следующие нюансы цензурной деятельности, которые, как правило, не включались в отчетные документы или же назывались сухим бюрократическим языком. Например, приведенный ниже случай, в отчетных документах объединялись под одной фразой – разглашение военной и государственной тайны. А в переписке он весьма подробно описан.

В письме заместителя начальника Отдела военной цензуры Гофберга в Секретную часть управления уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности от 22 марта 1934 г. отмечалось, что «по имеющимся, но не проверенным у нас сведениям выпускаемые на заводах военной промышленности цеховые стенные газеты не обеспечены надлежащей сохранностью. Есть все основания предполагать, что данная стенная печать проникает за пределы предприятия, тем более, что в большинстве своем газеты на своих страницах не зашифровывают названия продукции военного завода и другие данные». И таких эпизодов можно привести довольно много.

Служебная переписка позволяет увидеть функционирование органов цензуры без той «ретуши», которая по объективным и субъективным причинам существует в других видах документов.

Второй многочисленной категорией источников являются протоколы. В ЦГАЛИ СПб сохранились протоколы совещаний уездных уполномоченных Гублита, протоколы заседаний коллегии Областлита (представлены в фондах с наибольшей полнотой), протоколы совещаний политредакторов, протоколы производственного совещания работников ИНО Областлита, протокол областного совещания инспекторов Окрлитов.

Анализ этих документов позволяет выявлять причины возникавших в цензурных органах дискуссий и ход последних, что отражает наличие разных точек зрения работников по конкретным вопросам. Вместе с тем, в ряде случаев остается необъяснимым по каким причинам в протоколах вымарывалось ранее принятое собранием решение и вписывалось новое.

Оформление данного вида документа выдерживалось в довольно строгой форме: указывался номер протокола, время, фамилии присутствующих. Далее страница делилась на две части: в левом столбце указывался вопрос повестки дня («слушали»), правый содержал в себе формулировку принятого решения («постановили»). Протокол подписывали председатель и секретарь. Конечно, и эти документы в полной степени не отражали действительное положение дел.

Круг проблем, затрагивавшихся на собраниях и зафиксированных в протоколах, более разнообразен, чем в первом виде источника. В протоколах нашли отражение вопросы структуры, кадров, собственно функционирование органов цензуры. В том числе в данном виде источника зафиксированы такие вопросы как закрытие частных издательств, обсуждение ежемесячных сводок по запрещенным материалам к печати или проблем районных цензоров в пределах Ленинградской области и т.д.

Одним из основных отчетных документов о проделанной работе региональных органов цензуры, направляемых в Главлит в Москву, являлся отчет. Для 1920-х гг. характерна относительно малая информативность и простая структура такого рода документов. Правда, к концу 1920-х гг. начинают появляться отделы, в которых даются сведения об устройстве и численности аппарата, связи с Главлитом, органами, принимающими участие в цензурном процессе, с уездами и типографиями, отмечены и основные направления деятельности.

Ввиду того, что отчет представляет собой наиболее формализованный вид источника, вполне актуален вопрос о качестве содержащейся в нем информации. Есть веские основания утверждать, что в силу объективных и субъективных причин имеющиеся в нем данные недостаточно полно отражают ситуацию, если не искажают ее.

Анализ архивных фондов за 1920-е гг. с неизбежностью вызывает вопрос, почему сохранилось относительно мало отчетов. За этот период удалось обнаружить только

несколько единиц этого документа. Можно только предположить, что это обусловлено тем, что они составлялись в тот период нерегулярно. Сравнение их оформления заставляет сделать вывод, что в то время не сложилось стандарта в составлении данного отчетного документа. Как правило, в конце отчетов отсутствуют указания должности и фамилии составителя. Несмотря на это, информация, представленная в них довольно интересна. Так, в отчете за 1923 г. отмечалось отсутствие унифицированности на местах в структурной принадлежности органов Главлита, в другом случае давалась характеристика работе областных отделений цензуры. В общем, отчеты встречаются весьма редко, а их объем был не велик. Например, за 1935 г. в архиве сохранились отчеты, объем которых не превышал 2 страниц.

Отчеты составлялись как за год, так и за более короткие промежутки времени: за один месяц и за три месяца. Отчеты составлялись как отделами, так и конкретными работниками. Например, в 1932 г. в аппарат ленинградского Горлита был направлен отчет С. Калецкого о его работе по просмотру поступившей в Ленинград французской и немецкой литературы.

Наряду с текстовыми отчетами, в вышеупомянутых фондах отложились отчеты в виде таблиц, которые позволяют оценить ситуацию в районах Ленинградской области.

В 1920-е гг. к более распространенным видам документа, чем отчет, относились «докладные записки» и «доклады». В них вышестоящим инстанциям сообщалось о конкретной проделанной работе: о проверке библиотек, выполнении поручений директивных органов и т.д. Докладные записки направлялись как районными уполномоченными в аппарат областного отделения Главлита СССР, так и последними в Главное управление в Москву.

В 1920-е гг. четкой структуры доклада еще не существовало. Скорее всего, структура доклада или докладной записки обуславливалась теми проблемами, которым эти документы были посвящены. Так, в докладе Ленгублита за период с 1 июня 1924 г. по 1 июня 1925 г. были выделены следующие разделы: организационные вопросы (а. аппарат гублита; б. финансовое положение; в. связь с ГПУ, работа по изъятию ранее изданной литературы и контрольные функции); о взаимоотношениях Гублита с различными учреждениями; характеристика издательской деятельности и статистические цифровые данные. В другом случае, в докладе появляются разделы о штатах; зрелищных мероприятиях; издательстве печати; составе библиотек и книжных магазинов.

Отличие докладных записок от доклада заключалось в том, что первый вид источника посвящался, как правило, определенной проблеме. Возможно, эта функция докладной записки и определила то, что она не имела дробной внутренней структуры в отличие от доклада.

На основе содержащейся в докладах информации составлялись резолюции. Этот вид источника позволяет проследить, как органы власти стремились решить указанные в докладе проблемы, правда, следует иметь в виду, что резолюция носила в большинстве своем декларативный характер, и не всегда оказывалась реализованной.

Наряду с указанными видами источников в архиве отложились и другие документы, но в более ограниченном количестве. К этим видам документов относятся приказы, циркуляры, акты, бюллетени, вычерки, служебные записки.

Наряду с приказами, носящими исключительно директивный характер, издавались приказы, в которых внимание исследователя привлечет даваемая в начале документа краткая характеристика ситуации и перечень принятых ранее нормативно-правовых документов, за упоминанием которых следовали директивные установки. Приказы, циркуляры сохранились как направляемые из Москвы в Петроград/Ленинград, так и из аппарата Управления в районы области.

Особым видом источника являются бюллетени. Это не нормативно-правовые и не отчетные документы. Их с определенной долей условности можно назвать исследовательскими, поскольку сотрудники цензуры изучали имеющиеся на тот момент проблемы и стремились найти выход из них. В этом виде источника затрагиваются вопросы широкого спектра: от структуры до качества работы сотрудников цензуры. Уникальность этого вида источника заключается в том, что он позволяет выявить проблемы, которые работники цензурных органов считали особенно актуальными и обнаружить предлагаемые цензорами пути их решения. Этот вид источника позволяет увидеть весь комплекс проблем в концентрированном виде, чего не может предоставить ни один вид указанных выше документов.

Остальные виды документов, служебные записки и акты, являются вполне стандартными видами документов и не требуют специального рассмотрения.

Вычерки же относятся к источнику, характерному только для органов цензуры. Они представляют собой материал, который по определенным причинам не разрешался к печати. Как правило, напротив такого материала указывался номер статьи Перечня, которая была нарушена, и на основании ее материал не допускался к публикации.

При работе с перечисленными видами источников актуален вопрос о том, какой из них более точно отражает действительность, какой источник более информативен и т.д. Безусловно, все виды источников ограничены в своем описании цензурных реалий. Причинность этого явления разнообразна от простого незнания составителем документа положения дел до желания чиновника скрыть определенную информацию от своего руководства. Поэтому для выявления объективной информации из источника, во-первых, необходимо определить его функциональную значимость (отчетный, информирующий, директивный и т.д. вид документа); во-вторых, попытаться понять смысловое значение источника: либо документ предназначен для решения конкретной задачи, либо на примере подобранных фактов чиновник стремится показать определенную динамику в развитии ситуации начальству и т.д.

Вместе с этим уникальность 1920–1930-х гг. заключается в том, что в этот период отсутствовала унифицированность в ведении делопроизводства и эта ситуация позволяет в большей степени приблизиться к пониманию действительного положения дел, которое могло бы быть скрыто под сухим, бюрократически выверенным языком. Более того, значительное число писем, которые в большинстве своем были ориентированы на решение конкретных задач, позволит увидеть действительное положение дел в цензурном ремесле.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription [here](#) .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки [здесь](#) .

